

стабильности» цен на землю — при нестабильности их на оливковые деревья (с. 106 и сл.).

Административная структура Никейской империи соответствовала общественным порядкам «феодализирующегося» общества. Энголд намечает такие тенденции, как упрощение бюрократической системы и приобретение государственным аппаратом патримониальных черт (с. 151—181), превращение императорской «дружины» в ядро армии (с. 186, 201), превращение царского вестиярия в основное звено фискальной организации (с. 204). Но феодализация на этом этапе не означала ослабления государственного аппарата, — напротив, как это ни парадоксально, феодализация при никейских императорах (как и при Комнинах) сочеталась с упрочением государственного аппарата и усилением его контроля за деятельностью местных органов (с. 235). Итак, если наблюдения Энголда верны, можно сделать следующее заключение: упрочение Никейской империи было результатом феодализации страны, в частности, перестройки на феодальный лад ее административно-политической структуры.

Но, полагает Энголд, «сбалансированные» отношения между государством и аристократией продолжались недолго. Они стали нарушаться уже при Феодоре II и особенно при Михаиле VIII. Энголд подчеркивает, что причина нарушения равновесия лежит не в личных свойствах тех или иных правителей, но в самой природе византийской общественной структуры. «Сплоченность общества и здоровое состояние провинциальной администрации были подорваны ростом власти крупных фамилий» (с. 295, ср. с. 79). В отличие от рассмотренных выше мыслей Энголда этот тезис лишен какой бы то ни было парадоксальности и прекрасно совпадает с традиционными суждениями о «гибельности» феодальных порядков для централизованного государства. Он поэтому кажется наиболее правдоподобным, и тем не менее именно он оказывается в явном противоречии с собранным самим же Энголдом фактическим материалом. Напомню еще раз, что согласно Энголду, крушение никейской «сбалансированной» системы приходится на время правления Михаила VIII. Михаил Палеолог по своему происхождению принадлежал к аристократическим фамилиям империи, и это должно, как будто бы, подкрепить представление о разрушительной роли феодальных сил. Однако присмотримся к конкретной политике Михаила, как ее обрисовал Энголд. Сразу же после смерти Феодора II Георгий Музалон выдвинул совершенно новый принцип, предложив создать аристократическую ассамблею, перед которой должно было быть ответственным правительство регента, — Михаил, напротив, отстаивал традиционные основы неограниченной монархии (с. 80 и сл.). Михаил вернулся к старому принципу формирования армии (с. 185, 191), отказался от назначения высших придворных на фискальные должности, передавая их людям незнатного происхождения (с. 235). Палеологи не смогли создать здоровую провинциальную администрацию во Фракии и Македонии — в отличие от никейской административной системы в Анатолии (с. 295), а само отвоевание Константинополя (т. е. восстановление универсалистских тенденций) было гибельным, как это предсказывал еще протаскрит Сенахерим (с. 296). Иначе говоря, если феодализационные процессы действительно способствовали укреплению Византийского государства как при Комнинах, так и при Ласкарях, то причины неудач Ангелов и Михаила VIII следует, скорее всего, искать в их попытках вернуться к старым принципам управления, которые были эффективными в X столетии, но, по всей видимости, уже не отвечали ситуации, сложившейся в XII—XIII вв.

А. К.

Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit, 1. Faszikel. Erstellt von E. Trapp, unter Mitarbeit von R. Walther und H. V. Beyer, mit einem Vorwort von H. Hunger. Wien, 1976, 18* +163 S.

Византиноведение имеет в своем распоряжении удивительно малочисленную литературу сводного характера, будь то «корпусы» (печатей, надписей, монет и т. п.), словари или справочники. Обилие материала источников (в сравнении с греко-римскими древностями), частью еще остающихся неизданными, в какой-то степени объясняет, хотя и не извиняет это отсутствие. Античники успели выпустить или хотя бы начать выпускать подобные сводные издания еще в ту пору, когда техника исторического исследования не предъявляла к исследователю таких требований акрибичности, какие никто не в состоянии удовлетворить: историки XIX в. были смелее и понимали, что отважная неполнота — залог последующей полноты. Мы стали более робкими: мы больше боимся допустить ошибку, нежели оставить незаполненными зияющие лакуны. Грандиозное стремление идти в ногу с веком, отразившееся, в частности, в замысле «Реального лексикона» (см. ВВ, 33, 1972, с. 34 и сл.), застопорившегося всего-навсего на статье «Abendland», очень показательно — не лучше ли было начать с небольшого, неполного, но практического и осуществимого издания?

«Просопографический лексикон Палеологовского времени», выпускаемый Комиссией по византистике при Австрийской Академии наук, — истинное дитя XX столетия со всеми отличительными чертами современной гуманитарной науки, стремящейся подражать наукам естественным: он плод коллективного творчества (Э. Трапп перечисляет в предисловии ряд лиц, участвовавших или помогавших составлению грандиозной картотеки, которая должна была предшествовать Лексикону), и даже

электронно-вычислительная техника была применена для унификации и проверки данных, для составления указателей и т. п. Издатели выпускают книгу в предварительном виде — с тем, чтобы в дальнейшем доработать ее с учетом возможных замечаний. Первый выпуск охватывает имена на букву А.

Перед Траппом и его сотрудниками стояла трудная и, я бы сказал, внутренне противоречивая задача. С одной стороны, хотелось бы иметь в Лексиконе всю хронографическую информацию, с другой — удовлетворение максималистских претензий затянуло бы издание на непредсказуемые сроки и привело бы к его громоздкости. Поэтому издатели ограничили себя грекоязычными источниками и отказались от обработки восточных, славянских и западных текстов, что, разумеется, обедняет Лексикон, но, видимо, является необходимым ограничением на данном этапе. Строго языковый принцип подбора материала приводит, однако, к тому, что в Лексикон попадают люди, довольно далекие от Византии, как Рукнэддин Абуллатиф, сын Улугбека (№ 36), которого Халкокондил ошибочно считал сыном Тимура. Издатели расписали «хронику» 1328—1335 гг., изданную П. Шрайнером под № 85¹ на том основании, что «хроника» писана на греческом языке, однако это — заметки русского клирика, относящиеся целиком к событиям в русской церкви, и возможность включения русских епископов и монахов в Палеологовский лексикон во всяком случае сомнительна. Вероятно, издатели правы, отказываясь от включения в Лексикон (за редким исключением) лиц, известных только по преномам (с. 10*), однако возникает вопрос об учете лиц, чьи фамилии сохранились в топонимике: так, в одной из Ивирских описей 1341 г. упомянут ручей Анчисты (Ανχίστης)²; Анзасы, или Анчо — византийская фамилия, известная с середины XI в., вполне возможно, что след в топонимике оставлен кем-то из них, хотя и неизвестно, в какое время; во всяком случае, Анчиста, отсутствующая в Лексиконе (хотя эта опись обработана издателями: см. например Иоанн Анатолик, тчак — № 888), ближе к Византии Палеологов, чем русские епископы.

Греческие источники использованы с очень большой полнотой и тщательностью, привлечены даже только что вышедшие издания: наряду с «Хрониками» Шрайнера можно назвать переписку патриарха Афанасия, письма Матфея Эфесского³, новое издание Мазариса и ряд других. Помимо письменных памятников в прямом смысле слова, использованы печати. Мне неясно, привлечена ли издателями загадочная и плохо заданная опись XIII—XIV вв.⁴, упоминающая, в частности, владения некоего Амигдала, названного один раз «святым Георгием Амигдалом». Я не знаю св. Георгия Амигдала в византийских святцах. Из текста неясно, идет ли речь о церкви или монастыре Амигдала и тем более — к какому времени относится деятельность этого человека. В описи встречается также имя Аналия (местного землевладельца?). Амигдалы в Лексиконе отсутствуют вовсе, нашего Аналия (см. 845—849) там тоже нет.

Материал каждой статьи четко разделен по пунктам, что упрощает пользование Лексиконом. О каждом лице сообщается (по возможности) его имя, даты жизни, должность и титул, родственные связи, участие в политической и культурной жизни, идеологическая позиция, сочинения (разумеется, не о каждом лице все эти данные известны). В заключение приводятся относящиеся к данному человеку источники и основная литература. Четкость расположения материала (по пунктам) выгодно отличает

¹ *Schreiner P.* Die byzantinischen Kleinchroniken, I. Wien, 1975, S. 602—608. Из этой хроники взяты: иеромонах Авраам (№ 46), Афанасий — епископ «Зарайска» (№ 352) (sic! Речь идет, разумеется, о Сарая — см. перевод В. Н. Бенешевича: РИБ, VI. СПб., 1908, Приложение, стлб. 437. Епископия Сарая упоминается и в «Нотциях епископатов» и в других документах; см. *Moravcsik Gy.* Byzantinoturcica, II. Berlin, 1958, S. 267; ср. ответы собора на вопросы Сарайского епископа Феогноста от 1276 г. — РИБ, VI, Приложение, с. 5—12), Афанасий — епископ Владимира (№ 353), Андрей — иеромонах и архимандрит (№ 899), Антоний Ростовский (№ 1064), Антоний иеромонах (№ 1077), Арсений иеромонах (№ 1385). Замечу, что отождествление Антония Ростовского с иеромонахом того же имени — претендентом на кафедру в Галиче — произвольно, равно как и объединение в одном лице нескольких Андреев, претендовавших на разные епископские кафедры.

² *Dölger F.* Sechs byzantinische Praktika. . . München, 1949, S. 119.231.
³ Издание Райнша (*Reinsch D.* Die Briefe des Matthaios von Ephesos im Codex Vindobonensis Theol. gr. 174. Berlin, 1974) указано в списке сокращений. Насколько я могу судить, в переписке содержится только одно имя на А — Ἀδορβητικός (с. 175, № 55.18); оно отсутствует в Лексиконе. Даже если издатели предполагают дать его на О, как это сделано Моравчиком (*Byzantinoturcica*, II, S. 217), здесь следовало бы поместить отсылку.

⁴ *Гранстрем Е. Э., Медведев И. П.* Рукописные материалы по аграрной истории Византии в собраниях Ленинграда. — «Археографический ежегодник за 1968 г.», М., 1970, с. 343—347 (см. поправки: BS, 33, 1972, p. 118). Издатели сами указывают (с. 11*) на некоторые неиспользованные ими издания, в том числе: *Алмазов А. И.* Канонические ответы Иоасафа митрополита Эфесского. Одесса, 1903. Должен заметить, что в ответах Иоасафа ни одного «палеологовского» имени на А не встречается. PS. Когда эта аннотация была набрана, появилось исправленное издание описи: *Granstrom Eu., Medvedev I., Papachryssanthou D.* Fragment d'un praktikon de la région d'Athènes. — REB, 34, 1976, p. 5—44, — которую издатели датируют теперь временем до 1204 г.

это издание от «Просопографии Поздней Римской империи»⁵, где, однако, применен технический прием, заслуживающий внимания, — разнообразие шрифтов для выделения некоторых моментов содержания. Некоторые характеристики (особенно социальные) не всегда точны: так, издатели очень часто употребляют понятие «земельный собственник» (*Grundbesitzer*), однако люди, скрывающиеся за этим понятием, сильно различаются по своему социальному статусу. Часть из них, действительно, не может быть охарактеризована более точно (например, 293, 319, 508, 546, 576, 637, 739); о других мы знаем, что они принадлежали к знати: таковы, несомненно, севаст Иоанн Алфиин (№ 641), вестарх Авастар (№ 26), каваларий Николай Адам (№ 287), а также Адриан (№ 309), которому принадлежали *προνοαστικά δικάματα*, т. е. прония, и, видимо, Юлий де Альтавилла (№ 703), сдавший в долгосрочную аренду небольшой надел земли. Со всем на другом полюсе находятся лица, также включенные в разряд «земельных собственников»: зависимый крестьянин Михаил Архонтица (№ 1459), продавший участок своему господину; Аллилуй (№ 673), стоящий в списке париков, зачисленных в стражиоты⁶; возможно, Мануил Аитан (№ 458), продавший Ксиропотамскому монастырю клочок земли за 1 перпер, — Ж. Бомпер безоговорочно называет его *ραυσαπ*⁷. Наконец, протопсалт Адам (№ 283) известен только как свидетель, но не как землевладелец.

Поскольку издатели не ставили своей целью давать исчерпывающую библиографию, подчас возникает недоумение: почему включена та или иная работа, но отсутствует специальное или принципиально важное сочинение (об этом ниже). Наконец, система ссылок на страницу источника без указания строки осложняет разыскание соответствующих мест.

Некоторые статьи получились довольно подробными: Феодор Агаллиан (№ 94), Иоанн I Ангел (№ 208), Михаил II Ангел (№ 220), Никифор I Ангел (№ 223), Афанасий, основатель богородичной церкви в Метеорах (№ 359), Афанасий II Александрийский (№ 413), Афанасий Константинопольский (№ 415)⁸, Григорий Акиндин (№ 495)⁹, Георгий Акрополит (№ 518), Георгий Амируца (№ 784), Андроник Сардский (№ 959)¹⁰, Анфим Критский (№ 993), Алексей Апокавк (№ 1180)¹¹, Михаил Апостолит (№ 1201), Иоанн Аргиропул (№ 1267), Исаак Аргир (№ 1285), Константин Арменопул (№ 1347), Николай Равд Артавасд (№ 1437), Симон Атуман (№ 1648), Арсений Авториан (№ 1694); сюда можно было бы прибавить и некоторых иноземных правителей и деятелей культуры, которым тоже уделено много места. Однако разумная сжатость изложения позволила избежать диспропорции.

Статьи группируются там, где это возможно, по патронимам, т. е. объединяются в семьи. В 1-м выпуске выделены следующие семьи: Аароны, Аваланды, Авасти, Авастаги, Агаллианы, Агаллоны, Ангелы, Айофеодориты, Агилеры, Адорно, Адрианы, Акрополиты, Алифини, Алусианы, Алиаты, Антиохиты, Антиохи, Апелмене, Апокавки, Априны, Аравандины, Аргенты, Аргиропулы, Аргире, Арианиты, Арколей, Арменопулы, Артавасды, Асаны, Аспиеты, Ачайулы, Атуманы, Атрапы, Авторианы. Другие семьи не выделены специальным заголовком, как-то: Атапиты, Айостефаниты, Адамы, Аитаны, Эниты, Эхмалоты, Акиндины, Амаксы, Амаранды, Амируцы, Амюны, Абелы, Абрамы, Анатолики, Анемы, Аплисфары, Арегы, Архистратиги, Архонтицы, Архонты, Астрасы, Ачимы, Атталиоты, Ахлады и многие другие. Там, где фамилия выделена, дается только литература о ней (с учетом более ранних столетий), не всегда, впрочем, включающая все важные работы¹². Думаю, что в просопографическом лексиконе выделение семей (= групп однофамильцев) необходимо, хотя это и порождает ряд технических и нетехнических трудностей. Так, *Ἀντιοχίτης* (№ 1031—1036) и *Ἀντιοχίτην* (№ 1037), скорее всего, один патроним, и «шапка» «Антиохит» должна предварять уже первое имя. Женские фамильные имена, например *Ἀγγελίνα* по алфавиту предшествуют соответствующим мужским и таким образом оказываются раньше фамильной шапки. Далее, в статье о семье следует указывать хотя бы этимологию патронима и время его появления (что сейчас частично облегчается наличием моей

⁵ The Prosopography of the Later Roman Empire, vol. I. Cambridge, 1971. Та же неорганизованная структура присуща и моей книге «Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI—XII вв.». Ереван, 1975.

⁶ Стоящий в том же списке Арбарик (№ 1352) характеризуется издателями просто как парик, а характеристика Арменохорита (№ 1349), видимо, выпала в процессе печатания.

⁷ *Votraire J.* Actes de Xéropotamou. Paris, 1964, p. 250.

⁸ См. о нем также *Bănescu N.* Le patriarche Athanase Ier et Andronic II Paléologue. — *Académie Roumaine. Bulletin de la section historique*, 23, 1942.

⁹ См. также *Ташковски Д.* Акиндин во борба против мистицизмот. Скопје, 1956.

¹⁰ См. о нем теперь *Foss C.* Byzantine and Turkish Sardis. Cambridge, Mass., 1976, p. 87.

¹¹ О нем очень существенно: *Сюзюмов М. Ю.* К вопросу о характере выступления зилотов в 1342—1349 гг. — ВВ, XXVIII, 1968.

¹² Например, отсутствует статья Г. А. Острогорского об Ангелах (теперь имеется в немецком переводе: *Ostrogorsky G.* Zur byzantinischen Geschichte. Darmstadt, 1973, S. 166—182), моя — об Антиохах («Григорий Антиох». — ВВ, XXVI, 1965). Об Амаранде XII в. см. *Пападимитриу С. Д.* Феодор Продром. Одесса, 1905, с. 270—275. Не следовало ли указать на арабское происхождение имени Аплисфар — Абу-л-Усвар?

работы о господствующем классе XI—XII вв., известной издателям), а при возможности приводить генеалогическую таблицу.

К 1-му выпуску приложена дополнительная тетрадь, содержащая список сокращений и различные индексы. Наличие особого и подробного списка сокращений, который к тому же будет повторяться с вариациями от выпуска к выпуску, заставляет снова ставить вопрос о необходимости издать специальный справочник единых общепотребительных сокращений. Подобный справочник даст в итоге колоссальную экономию бумаги и сил.

Издание такого рода, как Лексикон, не может не содержать тех или иных погрешностей. Авторы сами понимали это. Сейчас задача состоит в том, чтобы еще раз продумать структуру Лексикона, внести конкретные дополнения и поправки и при доработке не приносить интересы дела в жертву краткости. Лексикон, несомненно, станет на долгие годы одним из важнейших пособий для каждого византиста.

А. К.

Издание переписки Максима Маргуния

Итогом многолетних разысканий проф. П. К. Энепекидиса в архивах и библиотеках Австрии, Греции, Западной Германии и Франции явился интересный сборник документов, первая половина которого (с. 9—213) посвящена греческим ученым XIX—начала XX в., а вторая (с. 215—426) представляет собой издание переписки греческого гуманиста второй половины XVI в. епископа Кифиры Максима Маргуния¹.

Это издание как бы завершает цикл исследований сборников писем Маргуния, которые велись П. Энепекидисом на протяжении 20 лет: помимо рецензируемого издания, назовем статью 1951 г. (P. K. Enepekides. Der Briefwechsel des Maximus Margunios, Bischof von Kythera. — *JÖBG*, I, 1951, S. 13—66) и издание 42 писем Маргуния к немецким и итальянским гуманистам, появившееся в 1961 г. (P. K. Enepekides. Maximus Margunios an deutsche und italienische Humanisten. — *JÖBG*, X, 1961, S. 93—145).

Эпистолярное наследие Маргуния дошло до нас главным образом в виде больших сборников его писем, в состав которых включены также несколько писем к Маргунию и ряд посланий к корреспондентам епископа Кифиры, написанных в 1586—1616 гг. В основе издания П. Энепекидиса — текст писем по двум Венским [Австрийская Национальная библиотека, cod. Suppl. gr. 115 (далее — B₁) и 124 (B₂)] и одному Парижскому [Национальная библиотека, cod. Suppl. gr. 621 (П.)] спискам. Все три рукописи, как, впрочем, подавляющее большинство такого вида сборников переписки Маргуния, относятся к XVIII в. В рассматриваемой работе издан текст 150 писем: 137 — Маргуния, 7 — к Маргунию, 6 — переписка его корреспондентов. Опубликованные в 1961 г. 42 письма Маргуния к гуманистам в новую книгу, естественно, не вошли, ибо и рукописная основа (три указанные рукописи), и принципы издания текста остались прежними. П. Энепекидис и сам рассматривает новую работу как продолжение публикации 1961 г., к более пространным введению и комментариям которой он и отсылает читателя.

Рецензируемое издание состоит из очень краткого введения (с. 217—218), текста писем (с. 219—405), указателя incipit (с. 407—412), биографических и библиографических справок о корреспондентах Маргуния (с. 413—424), дополнений и исправлений (с. 425—426).

Не может быть никаких сомнений в том, что издание переписки Маргуния является важным вкладом в изучение греческой культуры после византийского периода. Выдающийся ученый своего времени, издатель сочинений греческой средневековой литературы, переводчик, писатель, Максим Маргуний был тесно связан с крупнейшими деятелями греческой церкви (константинопольский патриарх Иеремия II, Мелетий Пигас, Гавриил Севир, Кирилл Лукарис и др.), многочисленными учеными, издателями, библиофилами второй половины XVI—начала XVII в. Дошедшая до нас переписка Маргуния является одним из интересных источников для исследования проблем политической и культурной жизни греческого народа в указанное время, для изучения деятельности самого Маргуния — одной из самых заметных фигур позднегреческой истории.

Рецензируемая работа, однако, имеет ряд существенных недостатков, которые не позволяют пользоваться ею без предварительной коррекции по другим спискам корреспонденции Маргуния.

Прежде всего, приходится сожалеть, что П. Энепекидису так и остался недоступным кодекс Пантелеймонова монастыря на Афоне № 750 (Аф₁), содержащий многочисленные письма Маргуния Давиду Гешелю и происходящий, по-видимому, из архива этого аугсбургского ученого. Письма Маргуния в Аф₁ являются автографами. Прошло уже почти 15 лет с тех пор, как М. Ришар сфотографировал эту рукопись на Афоне, и исследователи, по тем или иным причинам не имеющие возможности непосредственно изучать манускрипт, могут анализировать переписку Маргуния в этом

¹ Ένεπεκίδης Π. Κ. Χρηστομάχος — Βικέλας — Παππαδιαμάντης. Ἐπιστολαὶ Μαρτυρίου Μαρτυρίου, ἐπισκόπου Κυθήρων (1549—1602). Ἀθήναι, 1970 (на обложке — 1971).